ЛБ93
1043

247.4

...тельство «МОЛОДАЯ РОССІЯ».

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 10-й.

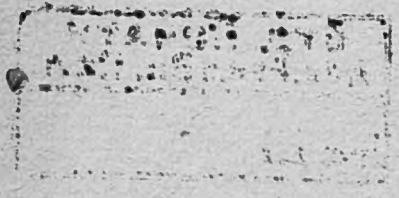
Сергѣй Самыгинъ.

Изъ прошлаго.

Цѣна 3 коп.

МОСКВА.

1906



ЛБ93 1043

Книгоиздательство „МОЛОДАЯ РОССІЯ“.

Популярная библіотека. № 10.

43032

Сергѣй Самыгинъ.

Изъ прошлаго.

Цѣна 3 коп.

Отд. печати
Арх. Рев. и Вн. Пол.
Инв. № 947.

МОСКВА.

1906.

350/4

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
902032

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.

ЛБ93 1043

Сергѣй Самыгинъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Постоянное войско въ Россіи было не всегда. До царя Ивана Грознаго войско набиралось только въ случаѣ надобности. Помѣщики являлись со своими слугами «конно и оружно», и, такимъ образомъ, составлялось ополченіе. Царь Иванъ IV Грозный заводитъ постоянный отрядъ «стрѣльцовъ», т. е. людей, умѣющихъ стрѣлять изъ тогдашнихъ «оружій», по теперешнему ружей; этотъ отрядъ, доходившій числомъ до 6000, предназначался собственно для охраны царя; — это были его тѣлохранители. Не даромъ поступавшіе въ этотъ отрядъ давали клятву въ отреченіи отъ отца и матери,—понятное дѣло, что сюда шли люди, потерявшіе совѣсть. Жили они въ Александровской слободѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, куда скрылся царь Иванъ, всюду видѣвшій измѣну и крамолу. На содержаніе ихъ были назначены доходы чуть не съ 20 городовъ; но чаще всего они сами содержали себя, безнаказанно грабя и убивая окрестныхъ жителей. Жаловаться на нихъ было некому, да и безполезно; вѣдь стрѣлецъ-опричникъ (отъ слова опричь-кромѣ, отрекшійся отъ всего) могъ оправдаться своимъ усердіемъ вывести

измѣну: они, вѣдь, и разъѣзжали, имѣя при сѣдлѣ голову собаки и метлу. Это, по ихнему, означало, что они, какъ собаки, должны грызть царскихъ недруговъ и выметать изъ русской земли измѣну. Изъ этого то отряда опричниковъ и зародилось на Руси постоянное войско. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ, второмъ сынѣ Ивана Грознаго (старшаго онъ убилъ), при его преемникѣ Борисѣ Годуновѣ, выбранномъ царѣ изъ татарскаго рода, заводятся конные полки «рейтаръ»; а позднѣе, при царяхъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, мы уже видѣли нѣсколько полковъ солдатъ, драгунъ, гусаръ, обученныхъ иностранными офицерами иноземному строю.

Съ Петра I Великаго мы уже имѣли регулярный, т. е. правильный рекрутскій наборъ. Каждый годъ извѣстная полоса Россіи поставляетъ рекрутовъ для пополненія арміи. Но вотъ здѣсь то, на порогѣ возникновенія настоящей арміи, мы можемъ впервые наблюдать выступленіе войскъ на поприще внутренней политики, выступленіе подъ руководствомъ начальниковъ и начальницъ въ ихъ борьбѣ за власть.

Дѣло въ томъ, что до совершеннолѣтія Петра Россіей правила его сестра по отцу Софія; это она дѣлала съ помощью стрѣльцовъ. Стрѣлецкіе полки, по смерти Ивана Грознаго, заняли въ Москвѣ особую Стрѣлецкую слободу (и сейчасъ есть въ Москвѣ переулокъ, назыв. Стрѣлецкимъ); здѣсь они на досугѣ занимались

домашними работами, какъ теперь отпускаютъ солдатъ мѣсяца на 2 въ годъ на вольныя работы. Но ихъ начальники часто заставляли ихъ работать на себя или брали заработанныя деньги себѣ, прикарманивая подчасъ даже жалованье. Понятно, стрѣльцы были недовольны. Софія натравила ихъ на родственниковъ Петра,—и вотъ въ Москвѣ вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ; они цѣлую недѣлю грабили и избивали нѣкоторыхъ бояръ и совсѣмъ неповинныхъ лицъ, а затѣмъ Софія приказала имъ выбрать ее правительницею до совершеннолѣтія Петра. Такъ и сдѣлали.

Когда Петръ подросъ, Софія вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ, кн. Василіемъ Голицынымъ, задумала снова опереться на стрѣльцовъ,—собственно говоря, на ихъ начальниковъ; съ этою цѣлью въ стрѣлецкихъ полкахъ затѣянъ былъ заговоръ. Въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года стрѣлецкіе полки задумали сжечь село Преображенское, гдѣ жилъ тогда 17-тилѣтній Петръ съ своей матерью, и во время пожара убить, по наущенію Софьи, и «медвѣдицу» (такъ называла она мать Петра), и его самого, если онъ станетъ заступаться. Начальникомъ 20-ти стрѣлецкихъ полковъ былъ Ѳедоръ Шакловитый (Щегловитовъ), онъ же и завѣдывалъ стрѣлецкимъ «приказомъ», по-теперешнему военнымъ министерствомъ. Многіе стрѣльцы и не знали, что собственно задумано, но догадывались, что затѣвается что-то неладное; былъ отданъ приказъ слу-

шать набата; наконецъ, призвали около 700 стрѣльцовъ въ полномъ вооруженіи, имъ стали втолковывать о нападеніи на село Преображенское; двое изъ нихъ задумали спасти Петра и предупредили его. Заговоръ не удался. Петръ въ одну ночь ускакалъ верхомъ на неосѣдланной лошади, въ одной рубахѣ, въ Троицкій монастырь; вскорѣ къ нему прибыли «потѣшные» конюха, т. е. сверстники, игравшіе съ нимъ въ солдаты, и одинъ стрѣлецкій полкъ подъ командой полковника Сухарева (позднѣе Петръ въ честь его воздвигъ въ Москвѣ Сухареву башню); сюда же подошли и нѣсколько полковъ, обученныхъ другому строю подъ начальствомъ иноземца Гордона. Петръ приказалъ указомъ 14-го августа явиться къ 18-му августу въ Лавру Голицыну и Шакловитому, но тѣ еще медлили и только послѣ третьяго указа, когда уже стало ясно, что большинство полковъ за Петра, прибыли къ нему. Начался «розыскъ», т. е. слѣдствіе о заговорѣ. Многимъ полковникамъ, также Шакловитому, послѣ пытокъ были отрублены головы; Софья сослана въ Новодѣвичій монастырь, и Петръ сталъ самодержавнымъ государемъ.

Въ народѣ это возмущеніе надѣлало массу толковъ; говорили даже о двухъ царствахъ: московскомъ, гдѣ останется Софья съ глупенькимъ братомъ Иваномъ, и новгородскомъ, гдѣ будетъ—Петръ. А стрѣлецкое войско Петру съ этихъ поръ стало противно, и онъ уже сталъ подумывать, какъ бы его уничтожить или пере-

строить. Ясно, что и стрѣльцы не были имъ довольны. И вотъ, когда Петръ уѣхалъ заграницу, стрѣлецкіе полки, наскучивъ тяжелой сторожевой службой на окраинахъ государства и слыша отъ царя только строгіе приказы служить и хранить вѣрность, задумали вернуться самовольно въ Москву; здѣсь съ нѣкоторыми изъ нихъ Софья опять завела сношенія, думая высвободиться изъ невольнаго монашества. Но противъ нихъ выступили полки за Петра, и стрѣльцы были пытаны, въ присутствіи Петра уже, на огнѣ, дыбахъ, а затѣмъ ихъ вѣшали, иныхъ колесовали, инымъ просто на-просто отрубали головы. Стрѣлецкое войско было, наконецъ, уничтожено; такъ исполнилось желаніе Петра, и онъ сталъ устраивать новое войско уже совсѣмъ на новый иноземный ладъ, заведя прежде всего изъ дворянъ нѣсколько гвардейскихъ полковъ (Преображенскій и Семеновскій въ 1691 г.), т. к. на дворянъ онъ больше могъ положиться. Такъ закончилось первое выступленіе войска во внутренней политикѣ.

Оставляя въ сторонѣ военную реформу и вообще дѣятельность Петра, такъ какъ это не касается предмета нашего бѣглаго очерка, мы прямо перейдемъ къ его преемницѣ, Екатеринѣ I-ой. Извѣстно, что Петръ I издалъ указъ, по которому престолъ россійскаго государства могъ перейти ко всякому лицу, если того пожелаетъ царствующій императоръ. Этотъ указъ о

своевольствѣ монарха повлекъ за собою лѣтъ на 40 смуты, но, какъ указъ самодержца, будь онъ хоть самый нелѣпый, долженъ былъ исполняться. Самъ Петръ I умеръ, не успѣвъ отдать престолъ кому бы то ни было; но такъ какъ еще при его жизни была коронована его вторая жена Екатерина (первую онъ заточилъ въ монастырь), то она и вступила на престолъ, всецѣло опираясь на гвардейскіе полки. Ими еще командовали Меньшиковъ и Бутурлинъ; они хорошо понимали, что имъ будетъ житься легко, если будетъ на престолѣ Екатерина. Какъ они, такъ и новая императрица были люди не родовитые [1]), возведенные волею Петра на высшія ступени; погибни Екатерина, не сдобровать имъ. А противъ нихъ выдвигалась боярская партія изъ старинныхъ московскихъ родовъ. И вотъ, въ одно февральское утро, когда сенаторы разсуждали во дворцѣ, кого возвести на престолъ, подъ окнами дворца раздались крики, барабанный бой и музыка; оказалось, что гвардейскіе полки устроили демонстрацію (т. е. шествіе съ выраженіемъ своихъ требованій), требуя возведенія на престолъ императрицы Екатерины. «Да здравствуетъ императрица Екатерина! Ее хотимъ!» кричали гвардейцы, подученные Меньшиковымъ; эти крики смѣшивались съ угрозами. Сенаторы перепугались

---

[1]) Екатерина I была горничной и любовницей Меньшикова. Петръ увидѣлъ ее у него и взялъ себѣ.

(вызывать для усмиренія казаковъ тогда было неоткуда: казаки были еще вольный народъ, жившій по Дону, Уралу), и Екатерина Алексѣевна была объявлена императрицей. Демонстрація обошлась, какъ видимъ, благополучно, и для выдумавшихъ ее оказалась какъ нельзя болѣе удачной.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Екатерины I и внука Петра I, Петра II, бывшаго царемъ около двухъ лѣтъ, опять не оказалось завѣщанія. Можетъ быть, 14 лѣтній мальчуганъ, какимъ былъ Петръ II, и говорилъ о наслѣдникѣ, но, конечно, никто изъ серьезныхъ людей не могъ бы принять его дѣтское указаніе за приказаніе. И вотъ опять собираются сенаторы и бояре толковать, кому предложить престолъ. Среди нихъ былъ одинъ умный, правда, больше себѣ на умѣ, но все-таки дальновидный бояринъ, кн. Дмитрій Голицынъ. Онъ въ совѣтѣ предложилъ выбрать на престолъ племянницу Петра I Анну Ивановну. Когда этому нѣкоторые удивились, такъ какъ на лицо была дочь Петра I, то онъ пояснилъ, почему онъ предлагаетъ Анну Ивановну, вдову герцога Курляндскаго. Она живетъ бѣдно, въ чужомъ ей государствѣ; престолъ россійскаго государства ей и во снѣ не снился; поэтому она, конечно, съ радостью приметъ государство, но вотъ этимъ то нужно воспользоваться и «воли себѣ прибавить». Короче, кн. Дм. Голицынъ предложилъ *конституцію:* Анна Ивановна должна будетъ, если хо-

четъ сѣсть на россійскій престолъ, подписать 5 пунктовъ: 1) поддерживать православную вѣру, 2) не вступать въ замужество, 3) не назначать наслѣдника, 4) сохранить Совѣтъ изъ 8 бояръ, 5) безъ совѣта не объявлять войны, не налагать податей, безъ суда не казнить, не раздавать имѣній. Чуть не обѣими руками отъ радости подписала пункты Анна Ивановна и прибыла въ Москву. Бояре, натерпѣвшись отъ Петра I, когда ихъ сильно заставляли работать, и отъ самодурствъ Петра II, когда ими вертѣлъ 13-14 л. мальчуганъ съ своими сверстниками, хотѣли хоть немного обрѣзать власть самодержцевъ. До насъ дошли бумаги кн. Голицына, изъ которыхъ видно, что онъ задумывалъ широкій планъ конституціи, гдѣ есть статьи и объ облегченіи народа, о которомъ, къ слову сказать, еще никто изъ царей и царицъ не подумалъ: его закабалили дворянамъ и забыли о немъ.

Но этотъ планъ не удалось исполнить кн. Голицыну,—все дѣло повернулось и пошло по-другому, и то, что онъ хотѣлъ видѣть въ 18 вѣкѣ, не видимъ мы еще и до сихъ поръ. Виновникомъ этого поворота назадъ было войско, собственно гвардія; мы уже говорили, что въ гвардіи солдатами служили дворяне,—„шляхетство“, какъ ихъ называли тогда, а высшія должности занимали частью иностранцы, частью старинные бояре. Затѣя Д. М. Голицына задумывалась втайнѣ, и потому о ней стали ходить въ мелкихъ дворянскихъ

кругахъ противорѣчивые толки: говорили, что князь вмѣстѣ съ 7-ю другими членами Верховнаго Совѣта стремится захватить въ свои руки власть; говорили, что онъ задумываетъ освободить крестьянъ отъ порабощенія дворянъ. Дѣйствительно, у кн. Голицына былъ пунктъ о снятіи податей, но отъ этого далеко до освобожденія изъ кабалы. Мелкое дворянство заколошилось и стало составлять свои проекты. Мы не будемъ разбирать эту борьбу между боярствомъ и кружками дворянъ,—это повело бы насъ въ сторону; посмотримъ, къ чему лишь привело это прорвавшееся было стремленіе къ волѣ.

25 января 1730 года явилась къ императрицѣ депутація отъ шляхетства и вручила Аннѣ челобитную; въ ней оно благодарило за подписанные пункты, но высказывало желаніе созвать собраніе изъ офицеровъ и дворянъ и выработать на немъ форму правленія. Пока Анна раздумывала, подписать или нѣтъ эту челобитную, гвардейскіе офицеры, бывшіе въ сосѣдней комнатѣ, кричали и шумѣли; императрица вышла къ нимъ уговаривать, и здѣсь они, упавъ на колѣни, просили ее стать самодержицей. Анна молчала. Наконецъ, она спросила челобитчиковъ: «Развѣ пункты, подписанные мною, составлены не по волѣ народа?» Раздались голоса: нѣтъ! И тогда она велѣла принести подписанный ею актъ и разорвала его на-двое. До сихъ поръ въ государственномъ архивѣ хранится этотъ подпи-

санный листъ, скрѣпленный булавкою. Начальники гвардіи поняли, что они правы, и вольность могутъ получить и отъ государыни, если будутъ нести ей службу, какъ вѣрные холопы; а власть, переданная хоть частью въ руки представителей народа, какъ этого хотѣлъ кн. Димитрій Голицынъ,[1]) была для нихъ опаснѣй. Имъ мерещилась уже воля крестьянъ при ограниченіи самодержавныхъ правъ,—и потому они, грубо вмѣшавшись, возстановили во всей неприкосновенности самодержавіе, поколебавшееся было, и тѣмъ самымъ укрѣпили за собой права на крестьянъ. Солдаты, сознавая, что Анна обязана имъ, стали многое позволять себѣ, но скоро любовникъ Анны, конюхъ Бирон, возведенный ею въ санъ герцога, вздумалъ ихъ «осадить»; это среди гвардейскихъ дворянъ-солдатъ возбуждало неудовольствіе, и стали появляться слухи о новомъ заговорѣ. Анна Ивановна, умирая, назначила на престолъ внука своей сестры; такъ какъ ему было всего нѣсколько мѣсяцевъ, то до его совершеннолѣтія регентомъ (т. е. временнымъ царемъ) она объявила Бирона, на колѣняхъ умолявшаго ее объ этомъ. И вотъ, бывшій конюхъ сталъ во главѣ россійскаго государства. Гвардія не смогла вынести этого;

---

[1]) Онъ былъ сосланъ со многими другими. Знаменательны его слова: „Трапеза была уготована, но призванные не оказались въ *избыткѣ*. Я буду плакать, но больше будетъ тотъ, кто меня плакать заставилъ». Впослѣдствіи они оправдались.

черезъ три недѣли отрядомъ гвардіи Бирон ъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, и регентшей объявили мать младенца—императора Іоанна VI, Анну Леопольдовну.

А тѣмъ временемъ, устраненная отъ престола, дочь Петра I, Елизавета Петровна, какъ рожденная до брака, видя, что престолъ переходитъ изъ рукъ въ руки по желанію солдатъ, стала часто ѣздить въ казармы. Многіе изъ солдатъ живо помнили ея батюшку (такъ какъ служба тянулась тогда до смерти), и она часто разговаривала съ ними объ отцѣ; гвардейскіе офицеры съ неудовольствіемъ смотрѣли на это: они могли опасаться потери, въ случаѣ чего, своихъ сословныхъ правъ; но открыто не высказывались еще, выжидая времени. Генералиссимусомъ всѣхъ русскихъ войскъ былъ назначенъ нѣмецъ Минихъ, другъ Анны Леопольдовны; солдаты его не долюбливали за излишнюю аккуратность и придирчивость. У Елизаветы Петровны образовалась большая партія. Въ ночь на 25-е ноября 1741 г. она явилась вмѣстѣ съ преданнымъ ей докторомъ Лестокомъ въ казармы. Одѣтая въ военный мундиръ, она произнесла рѣчь, гдѣ напомнила про отца и указала на теперешнихъ правителей нѣмцевъ. Солдаты, среди которыхъ многіе знали ее лично какъ свою куму, сваху и пр., съ радостью принесли присягу. Сейчасъ же рота отправилась во дворецъ, гдѣ и арестовала генералиссимуса Миниха, регентшу Анну Леопольдовну

и младенца-царя. Его взяли отъ матери и заточили въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ въ одиночествѣ дожилъ до 21 г., когда былъ убитъ. Императрицей была провозглашена Елизавета Петровна. 31-го декабря 1741 года она издала указъ о лейбъ-кампанцахъ. Рота, которая оказала ей содѣйствіе, была возведена въ потомственное дворянство съ пожалованіемъ каждому крестьянъ; солдаты этой роты стали носить почетное званіе лейбъ-кампанцевъ, а командиромъ у нихъ считалась сама императрица. Честь лейбъ-кампанцы отдавали только ей.

Настало для гвардіи привольное житье. Своего дѣйствительнаго начальника, принца Людвига, они и въ грошъ не ставили. Пьянство и распущенность достигли небывалыхъ размѣровъ;—жутко подчасъ приходилось отъ ихъ безчинства мирнымъ жителямъ столицы, но заступницей ихъ была сама императрица. Она не любила жалобъ на нихъ, и если уже слишкомъ крупный проступокъ былъ совершенъ, то она дѣлала «репримандъ», такъ называли тогда выговоръ. Въ недавно появившемся сочиненіи (1899 г.) «Исторія кавалергардовъ» Панчулидзева описывается масса случаевъ своеволія и грубости зазнавшихся новоиспеченныхъ «кампанцевъ». Пьянство было непробудное, даже дьячекъ военной полковой церкви «пьянъ бываетъ всегда, не исправляя своей должности (пишетъ про него священникъ), какъ и всей командѣ довольно извѣстно,

но явственно мнѣ». «Гренадеръ Карпъ Смирновъ (читаемъ въ книгѣ Панчулидзева) 27-го іюля 1750 г., назначенный на караулъ въ дежурную, пришелъ въ нагольной шубенкѣ и туфляхъ; — безчувственно всегда бываетъ пьянъ и ходитъ по улицамъ и кабакамъ, надѣвъ на мундирный камзолъ шубенку нагольную и въ туфляхъ, такъ какъ пропилъ не только камзолъ новаго строенія, но и позументъ съ аммуниціей». Удивляться нечему. Самъ новый начальникъ, смѣнившій принца, гр. Разумовскій, бывшій пастухъ, а потомъ негласный мужъ Елизаветы, былъ, по большей части, пьянъ и «во хмелю непокоенъ». Вообще, царствованіе Елизаветы было для гвардіи «не житьемъ, а масленицей». Мы не касались положенія народа; здѣсь мы увидѣли бы совсѣмъ другое. Мы слѣдили лишь за ролью войскъ въ нашей политикѣ.

Еще Петромъ I былъ изданъ указъ, который повелѣвалъ всѣмъ, услыхавшимъ какія-нибудь рѣчи про царя, его дѣйствія, кричать «слово и дѣло!» Шпіоны сейчасъ же брали и кричавшаго, и произносившаго рѣчи про царствующихъ особъ въ особый застѣнокъ, и тамъ пытками добивались разныхъ показаній. Многіе, конечно, изъ этого фискальнаго указа сдѣлали себѣ ремесло, оговоривая сплошь и рядомъ совершенно невинныхъ людей. Пьяные лейбъ-кампанцы Елизаветы въ буйномъ состояніи часто начинали кричать «караулъ», «слово и дѣло!» Такъ какъ скоро разъясня-

лось, что гренадеръ крикнулъ спьяна, то было издано любопытное приказаніе: гвардейскихъ криковъ «слово и дѣло!» не слушать, и въ случаѣ упорства брать и кричавшаго, и виновника и дожидаться вытрезвленія.

Еще задолго до смерти, Елизавета Петровна объявила наслѣдникомъ племянника своего и выписала его изъ-за границы, такъ какъ по отцу онъ былъ нѣмецъ и жилъ въ Голштиніи. Она женила его на нѣмецкой принцессѣ Екатеринѣ, будущей Екатеринѣ II, и стала подготовлять къ царствованію; но этотъ юноша былъ слабоуменъ и ненавидѣлъ Россію. Въ 1761 г. онъ занялъ россійскій престолъ подъ именемъ Петра III. Онъ сталъ передѣлывать войска на прусскій манеръ, назначилъ голштинскаго принца главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, немедленно отозвалъ полки, сражавшіеся съ Пруссіей, и нѣкоторые изъ нихъ подарилъ прусскому королю Фридриху; всѣ завоеванныя Елизаветой области онъ отдалъ назадъ и объявилъ новый походъ за прусскаго короля противъ Даніи. Армейскіе полки уже къ этому времени представляли изъ себя вымуштрованныхъ и послушныхъ рабовъ, готовыхъ по первому приказанію, не разсуждая, идти, куда угодно и за что угодно; но петербургская гвардія, привыкшая за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ повелѣвать тономъ, возмутилась. Среди гвардейскихъ офицеровъ выдвинулись два брата Григорій и Алексѣй Орловы; Григорій былъ любовникомъ императрицы, и

она отъ него имѣла сына (роды были скрыты отъ мужа Петра III). Здѣсь и возникъ планъ воспользоваться неудовольствіемъ гвардіи на тяжелую службу, на нѣмецкій образецъ, на роспускъ лейбъ-кампанцевъ и пр. новшества.

Въ ночь на 27 іюня 1762 г. въ Петергофъ, гдѣ жила тогда Екатерина II, явились два гвардейскіе офицера, Орловъ и Бибиковъ, и сообщили ей, что императоромъ арестованъ капитанъ Измайловскаго полка Пассекъ, бывшій въ числѣ заговорщиковъ; они торопили ее дѣйствовать. Черезъ нѣсколько минутъ мчалась карета изъ Петергофа въ Петербургъ, а къ утру императрица была уже въ казармахъ Измайловскаго полка. Солдаты, хорошо подготовленные, съ радостью встрѣтили ее, кричали «ура» и «да здравствуетъ Екатерина». Преображенскій полкъ немного растерялся, но скоро цѣликомъ сталъ на сторону Екатерины; присоединился и Семеновскій полкъ. Позвали петербургскаго епископа, и онъ торжественно сталъ приводить войска и съѣхавшихся во дворецъ генераловъ и придворныхъ къ новой присягѣ, величая Екатерину «Божіей милостью» императрицей. Петръ III-й былъ въ это время въ Ораніенбаумѣ. Новая императрица тотчасъ же отдала приказъ не выпускать изъ Петербурга никого изъ жителей Ораніенбаума и Петергофа и всѣхъ, направляющихся туда, задерживать. Хотѣли, чтобы Петръ позднѣе узналъ о происшедшемъ перево-

ротъ. Петръ III-й, ничего не подозрѣвая, пріѣхалъ къ женѣ въ Петергофъ, но узналъ здѣсь, что императрицы нѣтъ, что она тайно уѣхала въ Петербургъ (кучеромъ былъ Орловъ). Скоро одинъ пробравшійся изъ Петербурга офицеръ доложилъ ему, что въ городѣ было большое волненіе, и что Екатерина провозглашена государыней. Петръ окончательно струсилъ, хотѣлъ бѣжать въ Кронштадтъ, но уже тамъ были приверженцы Екатерины, и ему не позволили высадиться; пришлось вернуться въ Ораніенбаумъ.

А Екатерина, не теряя времени, сама на бѣломъ конѣ впереди, вела нѣсколько конныхъ полковъ подъ командой Орлова въ Петергофъ. Петра здѣсь не застали; онъ оставилъ здѣсь письмо, въ которомъ отказывался отъ всего и просилъ отпустить его въ Голштинію. Екатерина опасалась и этого. Къ нему въ Ораніенбаумъ отправились Орловъ и другіе офицеры и, арестовавъ его, перевели его въ Ропшу, а здѣсь онъ былъ задушенъ. Въ манифестѣ императрицы говорилось, что возлюбленный супругъ нашъ волей Божіею скончался отъ «геморройнаго припадка и прежестокой рѣзи въ кишкахъ».

Всѣ участники этого переворота были щедро награждены, но такъ какъ все дѣло было затѣяно сверху, съ командирами (въ противоположность Елизаветѣ), то львиную долю награды и подарковъ получили начальники. Гвардейскіе офицеры Орловы были пожало-

ваны графами; Панинъ и Волконскій получили указъ о назначеніи пенсіи до смерти по 30 тысячъ рублей въ годъ; а подаркомъ служили крестьяне: ихъ роздали офицерамъ и нѣкоторымъ солдатамъ около 18,000 душъ. Такъ кончилась эта «чисто-дамская (какъ говоритъ одинъ извѣстный историкъ) революція». Солдаты-пособники пользовались большой свободой, но такого своеволія, какъ при Елизаветѣ, не допускалось. Позднѣе многіе изъ нихъ обнищали (ихъ бросили, какъ уже использованное орудіе); по крайней мѣрѣ, до насъ дошли прошенія на имя Потемкина, позднѣйшаго любовника Екатерины и главнокомандующаго всей арміей, нѣкоторыхъ солдатъ, гдѣ они указываютъ, что „при самомъ дѣйствіи были и ввѣренное порученіе всеусердно съ наиглубочайшей ревностью исполняли“, и просили о какомъ-то вспомоществованія. Каково было царствованіе Екатерины, какъ шли дѣла во внутреннемъ управленіи, почему она и заслужила прозвище дворянской императрицы—обо всемъ этомъ можно узнать изъ книжки „Популярная Исторія Россіи“. Ограничимся лишь указаніемъ, что крестьянамъ въ ея царствованіе стало не въ терпежъ, и произошелъ такъ называемый Пугачевскій бунтъ. Мы перейдемъ къ царствованію Павла, ея сына отъ Петра III.

Екатерина не любила его, какъ сына отъ противнаго мужа, и онъ въ ея царствованіе жилъ въ Гатчинѣ, занимаясь больше всего военными упражненіями съ

своими гатчинскими войсками. Павелъ, подобно своему отцу, принялъ прусскій образецъ обмундировки, шагистики и, вообще, всѣхъ пріемовъ службы. Извѣстно, что русскій полководецъ временъ Екатерины, Суворовъ, недовольный такимъ обезьянствомъ, говорилъ: «русскіе пруссаковъ всегда бивали, чего жъ тутъ перенимать». За подобныя сужденія онъ и былъ сосланъ при Павлѣ въ деревню. Вступивъ на престолъ, Павелъ обратилъ весь Петербургъ въ военный лагерь; каждый день самъ дѣлалъ разводъ на площади и муштровалъ солдатъ всячески; доставалось отъ него сильно и офицерамъ. Но Павелъ былъ вспыльчивъ и необузданъ, а иногда на него находилъ, какъ говорится, и добрый стихъ. Въ одинъ изъ такихъ добрыхъ дней онъ роздалъ своимъ любимымъ офицерамъ нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ: «генералы получили по 1000 душъ, полковники отъ 200 до 500, капитаны по 150, поручики и пр. по 100, при чемъ имъ было позволено выбрать ихъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ кто пожелаетъ». Но офицеры не забывали и того, что въ короткое время были выгнаны со службы 7 фельдмаршаловъ, 300 генераловъ, около 2000 простыхъ поручиковъ и подпоручиковъ; многіе изъ нихъ угодили въ ссылку или въ крѣпость за невычищенныя пуговицы или плохой головной уборъ. Ясно, что Павелъ походилъ на ненормальнаго человѣка, и находиться во власти человѣка съ такимъ чудовищнымъ характеромъ было небезопасно. Въ

нѣкоторыхъ полкахъ гвардіи пошли разговоры о томъ, какъ бы убрать такого помазанника, и скоро составился заговоръ. Къ нему примкнулъ и начальникъ петербургской полиціи (заведенной у насъ Петромъ I), гр. Паленъ.

Въ ночь на 12 марта 1801 г. въ Михайловскомъ дворцѣ случилось слѣдующее событіе. Графъ Паленъ, генералъ Бенигсенъ и еще нѣсколько высшихъ гвардейскихъ начальниковъ вошли въ спальню царя. Здѣсь одинъ изъ нихъ предложилъ царю подписаться на листкѣ подъ составленнымъ заранѣе отреченіемъ отъ престола. Павелъ отказался и пытался защититься. Завязалась борьба—и Павла не стало. Внизу, «въ главной караульной комнатѣ (читаемъ въ «Популярной исторіи Россіи») дремали конные гвардейцы. Вдругъ вбѣгаетъ къ нимъ лакей Павла въ ужасѣ и кричитъ: «скорѣе, спасайте царя!» Дежурный офицеръ обнажилъ шпагу и бросился съ солдатами по парадной лѣстницѣ, которая вела въ царскіе покои. Но въ это время на верхней площадкѣ появляются гр. Паленъ и генералъ Бенигсенъ. Раздается команда: «Караулъ, стой!» Затѣмъ Паленъ громко говоритъ караулу: «Государь скончался отъ удара. Теперь у насъ новый императоръ, Александръ Павловичъ!».

Въ этомъ переворотѣ мы опять видимъ разобщенность между офицерами и солдатами; послѣднихъ даже

и не спрашивали: имъ, какъ кукламъ, возвѣстили про новаго царя,—и дѣло съ концомъ.

Напрасно г. Панчулидзевъ въ своей «исторіи кавалергардовъ» говоритъ, что у насъ тономъ вертѣла не «кучка преторіанцевъ», что въ нашихъ дворцовыхъ переворотахъ «отличительной чертой служитъ отсутствіе скрытыхъ отъ массы солдатъ цѣлей». Понятно, ему, какъ офицеру, хочется обѣлить эти «дѣйствія». Но напрасно онъ въ гвардіи видитъ «дѣйствительную представительницу всего народа»: составленная изъ дворянъ, видѣвшая въ царяхъ и царицахъ только защитниковъ своихъ сословныхъ интересовъ и свободъ, она была скорѣе врагомъ народныхъ интересовъ, чѣмъ блюстительницей ихъ.

Мы перейдемъ теперь къ послѣдней крупной попыткѣ войска вмѣшаться во внутреннюю политику;— мы говоримъ о такихъ называемыхъ «декабристахъ». Эта революціонная попытка, произведенная послѣ изгнанія французовъ, по смерти Александра Павловича, значительно отличалась отъ предыдущихъ дворцовыхъ переворотовъ. И офицеры, и солдаты были уже не тѣ; не тѣ были и цѣли. Но рознь въ военной средѣ, отсутствіе народныхъ массъ, забитость и привычка многихъ подчиняться не дали совершиться великому дѣлу. А дѣло шло о народномъ правленіи, о свободѣ родины.

Послѣ войны съ Наполеономъ и посѣщенія нашими войсками чужихъ странъ, многіе офицеры познакоми-

лись съ тамошними порядками, увидали, какъ живетъ тамъ (во Франціи) простой народъ, незадолго до того провозгласившій на весь міръ великія слова: «свобода, равенство, братство», и, вернувшись въ Россію, основали цѣлый рядъ обществъ, поставивъ себѣ цѣлью «освобожденіе крѣпостныхъ отъ барскаго гнета и Россіи отъ самодержавнаго ига». Значитъ, они затѣвали не дворцовый, а народный переворотъ; но вели они пропаганду особенно усердно лишь въ войскахъ. Нѣкоторыми изъ нихъ, особенно даровитыми, напр. Пестелемъ, были составлены подробныя программы преобразованія Россіи. Въ нихъ высказывалась необходимость участія народа въ правленіи черезъ своихъ представителей, говорилось о свободѣ совѣсти, печати, союзовъ и о равноправіи всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, — такъ какъ эти люди понимали, что любовью скорѣе, чѣмъ палкой, можно достигнуть единства и братства народовъ; говорилось также объ устроеніи правильныхъ судовъ, о хорошемъ льготномъ управленіи. Но, не дождавшись прозрѣнія народа, декабристы (преимущественно офицеры съ нѣсколькими полками) выступили одни и пали жертвами самодержавія. Дѣло произошло такъ.

По смерти Александра I, старшаго сына Павла, долженъ былъ наслѣдовать слѣдующій по возрасту сынъ, Константинъ; но онъ уже давно отказался отъ престола, и актъ (бумага) объ отреченіи съ его подписью находился

въ ризницѣ Успенскаго собора, въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Александръ I умеръ скоропостижно. Младшій его сынъ, Николай, присягнулъ Константину, бывшему въ Польшѣ намѣстникомъ, такъ какъ ничего не зналъ о его отреченіи; Константинъ же привелъ войска къ присягѣ Николаю; произошла путаница, междуцарствіе. Въ этотъ моментъ тайныя общества, членами которыхъ были лица, занимавшія высшія должности въ полкахъ, рѣшили дѣйствовать. Выведенные на площадь войска, любившія своихъ офицеровъ за ласковое, гуманное обращеніе (напр. семеновскіе офицеры рѣшили не употреблять тѣлесныхъ наказаній еще въ 20 году), отказались присягать. Николай I, выйдя, грозилъ артиллеріей, но гвардейскіе полки не выдавали и стояли на своемъ. Тогда онъ приказалъ стрѣлять изъ орудій, и артиллеристы стали осыпать ихъ картечью. Къ вечеру 14 декабря мятежъ былъ подавленъ. 120 лицъ было предано суду съ цѣлью разслѣдовать дѣла всѣхъ тайныхъ обществъ; 5 изъ нихъ повѣсили; остальныхъ сослали на каторгу, солдатъ ссылали на Кавказъ, въ Сибирь, засаживали въ крѣпость. Черниговскій полкъ поднялся за своихъ подъ Бѣлой церковью, но также былъ усмиренъ. Всѣ эти борцы за волю народа получили прозвище «декабристовъ», потому что возстаніе произошло въ декабрѣ 1825 года. Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ, Рылѣевъ, Каховскій, какъ главные организаторы, были приговорены къ повѣшенію. «При повѣ-

шеніи, у трехъ декабристовъ, въ томъ числѣ и Муравьева, сына сенатора, соскочили съ шеи веревки; они упали на землю. Муравьевъ при этомъ жестоко разбился и могъ только выговорить: «бѣдная Россія! и повѣсить-то порядкомъ у насъ не умѣютъ!» Упавшихъ подняли и вновь повѣсили». (Изъ соч. Якушкина «Изъ прошлаго»).

Изъ офицеровъ, принимавшихъ горячее участіе въ этомъ освободительномъ движеніи, слѣдуетъ съ благодарностью отмѣтить имена полковника Пестеля, командира Вятскаго полка и адъютанта при главнокомандующемъ южной арміей (расположенной въ Подольской и Кіевской губ.), Артамона Муравьева (одинъ изъ четырехъ братьевъ, полковникъ; два другіе были подполковниками, четвертый-капитаномъ), служившаго тоже въ южной арміи, затѣмъ Швенковскаго, Митькова, Абрамова, Норова—все командиры полковъ. Южная армія должна была идти въ Петербургъ—завладѣть дворцомъ. Среди Петербургскихъ офицеровъ отличались отставной поручикъ Рылѣевъ, полковникъ кн. Трубецкой, генералъ Фонвизинъ, полковникъ Волконскій, полковникъ Давыдовъ,—всего насчитывалось въ тайномъ обществѣ три генерала, 8 полковниковъ и около 80 младшихъ офицеровъ; къ нему примыкали и нѣкоторыя статскія лица, служившія въ Петербургѣ въ высокихъ должностяхъ. На Сенатской площади къ Московскому гвардейскому полку, первому, отказавшемуся

присягать, быстро присоединились, кромѣ другихъ гвардейскихъ полковъ, матросы. Изъ членовъ тайнаго общества на площади были братья Бестужевы, Каховской, князья Оболенскій и Одоевскій, Рылѣевъ, Якубовичъ и пр. Стрѣлять въ нихъ приказывалъ, кромѣ царя, генералъ Сухозанетъ, причемъ нѣкоторые солдаты отказались, и офицеры, не примыкавшіе по своему неразумію къ декабристамъ, сами наводили пушки. Кавалеріей командовалъ генералъ Орловъ. Эта то раздробленность, отсутствіе движенія народныхъ массъ, совсѣмъ не понимавшихъ и даже не слыхавшихъ о томъ, что творилось въ столицѣ, погубили широко задуманное дѣло.

На престолѣ укрѣпился Николай; наступила мрачная эпоха; Севастопольская война показала, насколько мы отстали отъ Западной Европы. У насъ не было ни хорошаго оружія, ни умѣнія владѣть имъ; войско безчестно обкрадывалось, такъ какъ теперь во главѣ ихъ стали казнокрады и льстецы: все лучшее было уничтожено или томились въ Сибири. Вступаетъ на престолъ Александръ II-й. Въ виду всеобщаго недовольства былъ произведенъ рядъ реформъ, но самой важной—участія въ правленіи народа—не было допущено. Ясно стало, въ особенности послѣ возстанія декабристовъ, что только народъ самъ, народъ освобожденный, просвѣтленный, сумѣетъ завоевать себѣ свободу. Роль войска, также гвардейскихъ полковъ, была

сыграна; если оно и покажется потомъ на исторической сценѣ, то уже въ качествѣ «карателей», вѣрнѣйшихъ защитниковъ трона.

Позднѣйшія царствованія укрѣпили самодержавіе. Офицеровъ привлекали дворянствомъ, разными отличіями, солдатъ желѣзной дисциплиной обратили въ бездушныхъ, неразсуждающихъ исполнителей приказаній, — а составленной попами присягой заставляютъ простой довѣрчивый народъ вѣрить, что самъ Богъ разрѣшаетъ по приказу начальства убивать отца, мать, сестеръ и братьевъ, не щадя никого.

Мы прослѣдили, правда, очень бѣгло, внутреннія дѣянія нашихъ войскъ, особенно дворцовыхъ, такъ какъ армейскіе полки тянули свою лямку, слушаясь всего, что изъ Петербурга прикажутъ. Мы оставили въ сторонѣ отдѣльные случаи возстанія нѣкоторыхъ отрядовъ войскъ при усмиреніи народа. — Это относится къ исторіи революціонныхъ народныхъ движеній, а у насъ армія — не народъ: она существуетъ не столько для народа, сколько, какъ мы видимъ, для интересовъ трона и толпы, стоящей около него. Мы видѣли, что попытка освободиться отъ самодержавнаго гнета царей, которые забыли, что народъ ихъ нѣкогда поставилъ, что отъ народа они получили свою власть, что они лишь *слуги народа*,—кончались неудачей. То дѣйствовала кучка баръ противъ кучки дворянъ при Аннѣ Ивановнѣ, то блажили лейб-кампанцы Елизаветы, то рас-

„Свѣтеля".

В. Черновъ. Къ вопросу о капитализмѣ и крестьянствѣ 2-е изд.

Вандервельд. Идеализмъ въ марксизмѣ. Съ предисл. Чернова. (распр.)

Ламенне. Современное рабство. (распр.)

Цадекъ. Рабочій день и вырожденіе. (распр.)

Новый вѣстникъ. 4 к.

Крестьянство и земельный вопросъ 7 к.

Толковый словарь 8 к.

Полезныя для всѣхъ свѣдѣнія № 1-й, 2-й и 3-ій по 1 к.

Сорскій. О пути къ общ. хозяйству 5 к.

Винкъ. Борьба классовъ. 3 к.

Трутъ и капиталъ. Романъ изъ рабочей жизни. 5 к.

Ч енія въ крестьянск. кружкахъ самообразованія. 4 к.

Фрелихъ. Алкоголизмъ и пролетар. 3 к.

Журналъ *„За книжкой"* № 1, 2 и 3 по 7 к.

Н. Граціановъ. Народные университеты. 10 к.

М. Оленина. Весна народовъ. 11 к.

Избраніе *М. Ѳ. Романова* на царство 3к.

Изданія книгоиздательства „Молодая Россія“.

К. Качоровскій. Народное право. 90 к.
В. Лункевичъ. Н. К. Михайловскій. Съ портр. 25 к.
Подолянинъ. Современный анархизмъ. 7 к.
А. Мірскій. Вѣчный инсургентъ. (О. Бланки). Съ портр. 25 к.
И. Черновъ. Луи Бланъ, съ портр. 15 к.

Серія подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ. 3-е изд. 10 к.
Л. Шишко. Рабочее движ. и его агр. прогр. въ Германіи. 20 к.
Л. Шишко. По программнымъ вопросамъ. 30 к.
Подолянинъ. Классовая пролетарская борьба. 10 к. 2-е изд.
М. Рафаиловъ (М. Гоцъ). О критикѣ и догмѣ, (Распрод.). 7 к.
В. Черновъ. Къ теоріи классовой борьбы. 10 к.
К. Тарасовъ. Міровой ростъ и кризисъ соціализма. 10 к.
И. Грей. Рабочій вопросъ и земельная реформа. 25 к.
П. Вихляевъ. Аграрный вопросъ съ правовой точ. зрѣнія. 20 к.
Н. Максимовъ. Къ критикѣ марксизма. 10 к.
Амари, Стихотворенія. 10 к. 2-е изд.
П. Поливановъ. „Кончился“. Съ порт. и біогр. авт. 8 к. 2-е изд.
А. Рудинъ. На ту же тему. (Еще объ агр. экскурс. рос. с.-д.). 20 к.
П. Вихляевъ. Право на землю. 10 к.
Фр. Энгельсъ. Крестьянскій вопр. во Франціи. Съ пред. Р. Росса. 18 к.
В. Панкратовъ. Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. 30 к.
П. Лавровъ. Знаніе и революція. Съ портр. автора. 10 к.
В. Любомудровъ. Крестьянская доля. 6 к.
Ѳ. Сибирскій. Очередной вопросъ. (Объ аграрн. прогр.). 8 к.
Дм. Самойловъ. О професс. рабочихъ союзахъ. 25 к.
М. Якобій. Къ оргарному вопросу. 15 к.
В. Панкратовъ. Изъ дѣятельн. среди рабоч. въ 1880—84 гг. 8 к.

Популярная библіотека.

А. Б—й. Что такое народовласт. 4 к.
Н. Максимовъ. Праздн. труда. 3 к.
М. Н. На войну. 4 к.
Ш. Горцевъ. Какъ грузинскіе крестьяне борются за свободу. 2 к.
С. Обуховъ. Не въ моготу. 9 к.
Для крестьянъ. Сборн. стихотвор. Сост. Дудусь. 8 к.
А. Зиминъ. Какъ крестьяне могутъ сами себѣ помочь. 5 к.
Дм. Самойловъ. О безработицѣ. 7 к.
К. Мироновъ. Изъ воспоминаній рабочаго. 4 к.
Абрамова. Враги ли намъ евреи. 2 к.
Серг. Самыгинъ. Изъ прошлаго. (Войско и политика) 3 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Москва, Б. Бронная, д. Аничкова, кв. № 2.

Отдѣленія склада: въ С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Самарѣ, Н.-Новгородѣ, Смоленскѣ, Казани, Уфѣ, Тифлисѣ, Курскѣ, Архангельскѣ, Вильнѣ, Симферополѣ, Баку, Екатеринославѣ, Екатеринодарѣ, Астрахани.